

Н. А. МАЛЕВАНОВ

Неизвестный список повести «О стране Вятской» 1725 г.

Повесть «О стране Вятской», или, как ее еще иногда называют, «Вятский летописец», известна в исторической литературе еще со времени выхода в свет «Опыта Казанской истории древних и средних времен» П. И. Рычкова в 1767 г.¹ С тех пор более ста лет она являлась авторитетнейшим источником по начальной истории Вятской земли. Популярности ее способствовали, с одной стороны, слабая изученность, незнание и недоступность важнейших списков русских летописей (до работ П. М. Строева и Археографической комиссии), с другой — использование одного из списков повести в трудах выдающихся историков Н. М. Карамзина и Н. И. Костомарова. Невысокую оценку в первой трети XIX столетия повесть получила лишь со стороны местного историка Вештамова, указавшего на ряд анахронизмов в тексте.

Обстоятельная же критическая переоценка памятника оказалась возможной только в 80-х годах XIX в., в связи с общими успехами в изучении русского летописания. К этому времени в Вятке оказались свои научные силы: историки А. А. Спицын, А. С. Верещагин, а позже П. Н. Луппов и ряд других. Итог большой исследовательской работы, проделанной за последние два десятилетия XIX в. по изучению повести, был подведен А. С. Верещагиным в предисловии и послесловии к научной публикации повести в 1905 г. по двум ранним спискам — Толстовскому и Миллеровскому.

На основании тщательного анализа всех известных источников по истории Вятского края А. С. Верещагин установил и доказал, что «„Повесть о стране Вятской“ есть повесть книжника (и далеко не умелого) конца XVII в. (а может быть, и начала XVIII в.) об отдаленных от него на несколько столетий событиях на Вятке, начало которых он отнес к XII в. — к 1174 г.», и что это «источник не только неточный и сомнительный, но и прямо „спутанный“ и недостоверный своею передачею разных спутанных и искаженных временем преданий об отдаленных событиях, скорее затемняющий, чем разъясняющий историю древней Вятки».² В определении времени составления повести Верещагин исходил из того факта, что «последние краткие летописные известия в ней выписаны из так называемого „Временника“ со всеми ошибками последнего, а „Временник“ доведен до 1700 г.».

С выводами А. С. Верещагина, если не считать некоторых частных моментов, соглашается и современный советский исследователь, занимаю-

¹ Подробную историографию вопроса см.: А. С. Верещагин. «Повесть о стране Вятской (послесловие к изданию текста). — Труды Вятской ученой архивной комиссии, вып. III. Вятка, 1905, стр. 54—97; А. В. Эммаусский. Исторический очерк Вятского края XVII—XVIII веков. Киров, 1956, стр. 204—205; П. Н. Луппов. История Вятки. Киров, 1958, стр. 31—41.

² См.: Труды Вятской ученой архивной комиссии, вып. III, стр. 68, 96—97.

щийся историей Вятки, А. В. Эммаусский. Совершенно иная датировка составления повести была выдвинута другим советским историком, знатоком вятской старины П. Н. Лупповым. По мнению П. Н. Луппова, повесть «О стране Вятской» создана в конце XVII или начале XVIII в., а в промежутке между 1725 и 1739 гг. П. Н. Луппов опирался при этом на сообщение 1725 г. Вятской провинциальной канцелярии Петербургской герольдмейстерской конторе об отсутствии в ее архивах известий о времени постройки городов Вятской провинции. Ссылаясь на свидетельство П. И. Рычкова, П. Н. Луппов обращает далее внимание на тот факт, что «в 1739 г. было уже найдено в Хлынове сказание по крайней мере о двух городах Вятской земли и отправлено в Казань». Из этого и делается вывод, что повесть была составлена между 1725—1739 гг. Возникает вопрос, почему так поздно (во второй четверти XVIII столетия) и для чего потребовалась хлыновцам повесть «О стране Вятской»? «Ответ на этот вопрос, — как заявляет П. Н. Луппов, — выясняется одним документом, найденным автором (П. Н. Лупповым, — Н. М.) в Кировском историческом архиве. Из этого документа видно, что вятский епископ Лаврентий Горка, назначенный на Вятскую епархию в декабре 1733 г., в первый же год своего управления этой епархией словесно объявил в Хлынове, что без указа Синода он опасается отпускать хлыновское духовенство с крестными ходами по епархии» в связи с сопутствующими им нелепыми суевериями и некоторыми языческими обычаями. С наложенным запрещением хлыновцы не могли смириться и составили записку (сказание или повесть) «с разъяснением причин и поводов к установлению хлыновских крестных ходов». Однако записка не была подана в Синод, епископ же через 4 года умер, и на крестные ходы снова было получено разрешение. «Сказание здесь уже не потребовалось, но в виде особых списков оно стало распространяться среди посадских города Хлынова как назидательный материал для чтения. В 1739 г. один экземпляр его отправили в Казань, в Оренбург, и через несколько десятков лет сказание после обработки его Рычковым появляется среди читателей в виде двух печатных статей и начинает считаться своего рода документом по истории Вятской земли, а в XIX в. это сказание, по использованию его историографом Н. М. Карамзиным, приобрело авторитет достоверного источника».³

Если, таким образом, написание повести связано с запрещением крестных ходов Лаврентием Горкой, то П. Н. Луппов, строго говоря, должен был бы датировать появление ее в Хлынове 1733—1737 гг. Но в таком случае его версия оказывается несостоятельной, так как Толстовский список можно датировать 1730 г. (наиболее поздние документы сборника относятся к 1730 г.).

Из этого следует, что повесть существовала уже до запрещения крестных ходов, послуживших якобы поводом для ее создания. Подтверждает это также и обнаруженный нами неизвестный список 1725 г. повести «О стране Вятской», сохранившийся в одном из дел Петербургской герольдмейстерской конторы. Список этот в герольдмейстерскую контору был представлен из Вятской провинциальной канцелярии 24 апреля 1725 г. вместе с описаниями городов Вятской провинции, составленными по разработанному герольдмейстерской конторой плану-вопроснику. Собранные ответы на предложенные вопросы, контора намеревалась приступить

³ П. Н. Луппов. К вопросу о происхождении «Повести о стране Вятской». — Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора, вып. 12. Ижевск, 1949, стр. 77. См. также: П. Н. Луппов. История Вятки, стр. 31—41.

к разработке гербов-печатей, предусмотренных петровским указом 3 ноября 1723 г. о форме суда «для запечатывания судных дел» в полицмейстерских канцеляриях, надворных судах и во всех судебных инстанциях. Среди заданных вопросов одним из первых был поставлен вопрос о причине и времени возникновения города. В Вятской провинциальной канцелярии в момент составления доношения 22 февраля 1725 г. «подлинного доказательства» о времени постройки городов не оказалось, но при этом сочли необходимым сообщить, что «сыскан в Хлынове старинной летописец, а ис пригородков взяты о том заручные ведомости, которые подлинныя ведомости, а летописца точная копия прилагаютца при сем доношении».⁴

Во всем этом чувствуется критическое или по меньшей мере осторожное отношение хлыновцев к повести. Несмотря на то что она названа «старинным летописцем», от использования содержащихся в ней сведений при ответах канцеляристы воздержались. В свете приведенных данных несостоятельность гипотезы П. Н. Луппова о создании повести во второй четверти XVIII в. становится более чем очевидной. Отвергая гипотезу П. Н. Луппова, следует снова возвратиться к основным положениям А. С. Верецагина, и в частности к его вполне аргументированной датировке времени создания повести рубежом двух столетий: концом XVII—началом XVIII в.

Обнаруженный список 1725 г. повести «О стране Вятской» оказывается, таким образом, самым ранним списком. По своему составу и содержанию он ближе всего к Толстовскому списку, переписанному в 1730 г. Как и Толстовский список, список герольдмейстерской конторы 1725 г. распадается на четыре части: вводную, повествование о заселении Вятской земли новгородскими выходцами, построении городов и церквей на Вятке и о вятском «самовластье», сказание «о явлении» образа Николая Великорецкого и, наконец, краткие известия о событиях на Вятке с 1389 по 1552 г., выписанные из «Вятского временника». В списке, в отличие от Толстовского, отсутствует «Начало великому Словенску, еже есть ныне великий Новоград», взятое из Хронографа 1679 г. Это обстоятельство позволяет говорить о допущенной в свое время ошибке при публикации А. С. Верецагиным так называемого Толстовского списка. Составной частью этого списка Верецагин считал «Начало великого Словенска», хотя в рукописном сборнике оба эти ничем не связанные между собой памятника достаточно четко отделены друг от друга.

Собственно, повестью «О стране Вятской» является ее вторая часть, рассказывающая о приходе новгородцев и поселении их на Вятке. В основе остальных трех частей лежат самостоятельные памятники исторической литературы XVII в., переработанные в большей или меньшей степени составителем повести в начале XVIII в. Модернизированным, сокращенным, более понятным по своему языковому строю читателю XVIII в. пересказом приведенного А. С. Верецагиным в Толстовском списке «Начала великого Словенска» является легендарная часть повести о Словене, Русе и Гостосмысле.

Украшая свое повествование пересказом «Начала» и стремясь быть предельно экономным в изложении предыстории далеких предков, составитель повести довольно удачно выбирает то, что ему казалось наиболее важным, умело выбрасывая все лишнее, в том числе и даты. В повести, например, приводится лишь одна дата основания Словенска (Славен-

⁴ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 1343, оп. 15, д. 377, л. 60 об.

града), в то время как в «Начале» указывается время ухода Словена и Руся с берегов Черного моря («И в лето от сотворения света 3085 Словень и Русь с роды своими отлучишася от Евксинопонта»), период их странствия («четыренадцать лет пустыне страны обхождаху») и лишь только после этого говорится об основании Словенска («А всех лет от сотворения света до начала Словенска Великого 3099 лет»).

Редакции подверглась также, как это еще отмечал А. С. Верецагин, и третья часть, в основе которой лежит сказание о явлении иконы Николая Великорезского. Без изменения оставлена лишь хроника, заимствованная из Хронографа.

Основная вторая часть повести, рассказывающая о поселении новгородцев в Вятской земле и об основании Хлынова, Никулидына и Котельнича, является также творческой переработкой местных преданий, бытовавших в Хлынове, переосмысленных в духе историко-литературных традиций XVII в. книжником, достаточно знакомым с новгородским летописанием (он неоднократно ссылается на новгородские летописцы). Что же касается известного анахронизма, связанного с годом появления новгородцев на Вятке (в повести указывается 1174 г. вместо 1374 г.), то его, как это допускал еще в 1905 г. А. С. Верецагин, видимо, все-таки следует считать опиской. В таком случае упоминание об Александре Невском становится по времени вполне оправданным.

Не предreshая вопроса о причинах составления повести и ее авторе и не повторяя аргументов А. С. Верецагина о ее датировании, считаем необходимым обратить внимание на два обстоятельства: упоминание в тексте земской избы и употребление в одном месте двойного летосчисления — от сотворения мира и рождества Христова. Полагаем, что это дополнительный аргумент для датирования повести началом XVIII в. (известно, что земские избы существовали в 1699—1724 г., а на современное летосчисление перешли в России с 1 января 1700 г.).

Думается, что в связи с этим попытка А. В. Эммаусского увязать сопоставление повести с кружком вятского архиепископа Ионы Баранова, умершего в 1700 г., нуждается в дополнительных доказательствах.⁵

В заключение отметим, что в позднейших списках, начиная с Миллеровского 1738 г., исключены такие места, как объяснение происхождения названия р. Хлыновицы от крика пролетающей птицы «хлы-хлы», и такие сведения по топографии, как указание о построении на ключе винокурни, земской избы, существовании озера и болота на месте богадельни. Сопоставление списков повести 1725 и 1730 гг. свидетельствует о редактировании текста при последующих переписках в XVIII в.

⁵ А. В. Эммаусский. Исторический очерк Вятского края XVII—XVIII веков, стр. 204.